

УДК 94 (470.51-25)“1920”

Л. Н. Бехтерева

Проблемы формирования городской среды и качество жизни населения в 1920-е гг. (на примере Ижевска)

В статье на основе архивных документов (делопроизводственные, справочно-статистические материалы), опубликованных источников и периодической печати рассмотрена социальная инфраструктура, определявшая уровень и качество жизни населения Ижевска — одного из типичных, сформировавшихся при заводах уральских городов в 1920-е гг. Представлена характеристика его жилищно-коммунального комплекса, транспортных коммуникаций, благоустройства, дана оценка питания и медицинского обслуживания горожан. Сделан вывод о том, что социальная среда Ижевска, долгое время сохранявшего черты пограничной между городом и деревней цивилизации, отставала от темпов роста населения и не соответствовала его потребностям. Принимаемые меры к преодолению жилищного кризиса, модернизации социокультурного пространства дали ощутимые результаты только в последующий период.

Ключевые слова: Ижевск, нэп, городская инфраструктура, жилищные условия, благоустройство, электрификация, транспортные коммуникации, питание, медицинское обслуживание.

Социальные трансформации первого постреволюционного десятилетия нашли наиболее яркое выражение в организации материальной среды обитания и повседневных практиках городского населения. Их изучение в рамках оформившегося в зарубежной и отечественной историографии «антропологического поворота» актуализируется современными процессами, порождающими такие негативные явления социальной реальности, как бедность, кризис идентичности, нигилизм, делинквентность и т.д. Несмотря на появление в последние годы ряда крупных обобщающих трудов и отдельных публикаций [2; 8; 9; 12; 13; 15], региональные аспекты проблематики по-прежнему относятся к числу недостаточно разработанных.

Переход к провозглашенной в марте 1921 г. на X съезде РКП(б) новой экономической политике повсеместно был осложнен последствиями Гражданской войны, разрухой, голодом, спадом промышленного производства. Все это отразилось на состоянии социальной сферы в целом и породило серьезные проблемы.

Тяжелое продовольственное положение приводило к росту заболеваемости и смертности. На территории Удмуртии (с ноября 1920 г. по январь 1932 г. — Вотская автономная область, ВАО) в 1921 г. заболеваемость натуральной оспой была в 40 раз выше, чем в целом по стране, дизентерией — в 50 раз, сыпным тифом — в 11, брюшным — в 9 раз [17, с. 6]. К августу 1922 г. в области насчитывалось 43 127 больных чесоткой, 22 208 — трахомой, 20 780 — сыпным тифом, 7524 — возвратным, 2079 — неопределенным, 799 — брюшным тифом, 8834 — малярией, 5448 — цингой, 3736 — дизентерией и т.д. [11, с. 137]. В г. Ижевске — административном центре ВАО из зафиксированных в 1925 г. 24 894 заболеваний первые строчки занимали трахома — 6892 случая, малярия — 2912, туберкулез — 2349, сифилис — 1439, дизентерия — 1269, корь — 1030 [20, с. 70]. Большинство из них принадлежало к так называемым социальным, возникновение и распространение которых в определяющей степени зависело от неблагоприятного влияния экономических условий. В их число попадали и венерические, или, как их в то время именовали, «острозаразные» заболевания: сифилис, гонорея, мягкий шанкр, паховый лимфогранулематоз, передававшиеся преимущественно половым путем, вызывая поражение внутренних органов и нервной системы. Основным источником их распространения являлась проституция. В ноябре 1926 г. в 18 губерниях страны насчитывалось

© Бехтерева Л. Н., 2017

1283 особы легкого поведения, профессионально занимавшиеся этой деятельностью [28, л. 14]. Официальные статистические сведения о масштабах проституции в ВАО отсутствуют. Более точную ее динамику дают косвенные данные областного отдела здравоохранения. Так, если в 1924 г. в ВАО было зафиксировано 7125 случаев заболеваний сифилисом и 4163 гонореей и мягким шанкром, то в 1925 г. уже 8452 и 4398 соответственно. В 1928 г. число заболевших сифилисом увеличилось до 8535. В г. Ижевске за год (1926—1927 гг.) эта цифра выросла с 1343 до 1436 [20, с. 68—69; 19, с. 69; 18, с. 37].

Борьба с социальными болезнями затруднялась недостаточностью лечебных учреждений и персонала. В 1921 г. в ВАО с населением 683 904 человека насчитывалось всего 38 врачей и 336 средних медицинских работников, функционировали только 4 городские и 19 сельских больниц и участков, 53 фельдшерских пункта [17, с. 6]. С переводом социальной сферы на местные бюджеты началось ограничение того незначительного объема медицинских услуг, которые оказывались населению области. Так, в течение 1923/24 бюджетного года по ВАО было сокращено 3 больницы (16%), 8 инфекционных барачков (88%), 3 врачебных амбулатории (15%), 1 стоматологический кабинет (20%), 6 фельдшерских пунктов (10%) и 785 коек (51%) [10, с. 304]. В открытом в 1925 г. в г. Ижевске вендиспансере за два года его существования больничную помощь получили лишь 1352 человека. В 1928 г. в городе с 65-тысячным населением имелось всего три аптеки, три амбулатории, одна больница, единственная на всю область глазная лечебница, три зубо-врачебных кабинета с 12 специалистами; охрану и профилактику здоровья населения, надзор за окружающей средой осуществляли только два санитарных врача [14, с. 41; 18, с. 36]. Оставляло желать лучшего и качество медицинского обслуживания. Заводской лазарет, например, не имел специального здания. Дежурный фельдшер принимал больных в непригодных помещениях (парикмахерской, ванных комнатах). Наблюдалась систематическая нехватка инструментов, перевязочных материалов, медикаментов и предметов ухода за больными. Не все нуждавшиеся в помощи могли получить ее своевременно. В связи с чем в одном из номеров областной газеты «Ижевская правда» сообщалось: «Ежедневно около городской амбулатории собирается более ста человек. Часть попадает, а часть, проклиная все на свете, так и уходит ни с чем». Не отличался от нее и заводской приемный покой: «На лестницах страшная грязь, скорлупа от семечек. В комнате ожидающих сто разных вонючих запахов. Вентилятор один, работает плохо. Света мало — постоянно сумерки. Ожидающих рабочих много, теснота, давка» [4]. Возрастало недовольство рабочих и медицинским персоналом, который отказывался обслуживать больных на дому.

Помимо государственных медицинских учреждений врачебную помощь горожанам оказывали частнопрактикующие доктора: В. А. Вержиковский и И. Н. Паншин, зубной врач Бурлянд и глазной Е. К. Фролов, акушерка Н. Д. Романенко и др. Однако их услугами могли воспользоваться только высокооплачиваемые слои населения: предприниматели, незначительная часть рабочих и служащих. Малоимущие горожане продолжали обращаться к лекарям-самоучкам, знахарям, народным целителям.

Благоприятную среду для возникновения социальных, в том числе и венерических, болезней создавал низкий уровень благоустройства и состояния коммунального хозяйства населенных пунктов. В Ижевске имелась только одна общественная баня, расположенная в кирпичном здании площадью 341 кв. м на берегу пруда. Ее помещения состояли из общих помывочных комнат, отдельных номеров и номеров с ваннами стоимостью от 15 коп. до 1 руб. При пропускной способности 600 человек в день данное банное заведение, например, в 1924 г. использовалось с нагрузкой только 15,5% [10, с. 160]. Причиной этого во многом стали ненадлежащие условия обслуживания посетителей: отсутствие

ремонта номеров, разбитые стекла, незакрывающиеся двери, неработающий вентилятор. Услугами его пользовались в основном приезжие. Это объяснялось и особенностью пространственной структуры города, в котором подавляющее большинство (98,5%) из 6411 частновладельческих домов были деревянными и преимущественно одноэтажными. К жилищу, как правило, примыкали надворные постройки, участок земли с садом и огородом и баня. Именно они становились причиной многочисленных пожаров в городе, которые наносили громадный ущерб. Так, 6 июня 1929 г. за четыре часа огонь уничтожил 22 дома на Восьмой улице заречной части Ижевска. Многие из жителей не смогли спасти своего имущества [16, с. 170]. Имевшееся в городе единственное пожарное депо с 50 пожарными было не в состоянии изменить сложившуюся ситуацию. Об остроте проблемы свидетельствует и тот факт, что на одном из общих собраний рабочих ремонтно-механического цеха Ижевских оружейного и сталелитейного заводов (Ижзаводов) 19 февраля 1925 г. будущим депутатам городского совета в числе приоритетных давался наказ «построить мостик для подъездов к пруду в нескольких местах для удобства набирания воды при пожарных случаях», «постановить в необходимость давать тревогу для граждан города при появлении пожаров» [25, л. 147].

Стремительный рост населения Ижевска (с 45 228 человек в 1920 г. до 63 088 в 1927 г. [3, с. 127]) вызвал усиление жилищного кризиса и настоящий коммунальный коллапс. Санитарно-эпидемиологическая обстановка в городе осложнилась в результате активно проводившейся политики уплотнения и неправильного расселения людей. Собственников частных домов вынуждали сдавать часть жилплощади внаем. В итоге под одной крышей оказывались совершенно чужие люди разного социального статуса, возраста и материального положения. Неудобства и дискомфорт, испытываемые каждой из сторон, часто выливались в конфликты между хозяевами и квартирантами, которые нередко заканчивались ссорами и драками. Совместное проживание порождало массовые слежки и доноительство. Случались также кражи вещей, утвари и сбережений. Не раз это становилось предметом судебных разбирательств.

Часть прибывавших в город на заработки людей, преимущественно из сельской местности, селили в муниципальные квартиры. В 1925 г. в Ижевске с этой целью использовалось 144 из 372 городских строений. Это были временно пустующие, изношенные, пришедшие в негодность дома и дощаные бараки без коммунальных удобств, где царили грязь, темнота, недостаток свежего воздуха. В них проживали 429 семей — 2260 человек, на каждого из которых приходилось всего 2,47 кв. м жилой площади при существовавшей минимально допустимой санитарно-гигиенической норме 8 кв. м [21, л. 104—105]. На содержание такого жилья, включая дрова, освещение и воду, рабочие, например, тратили в среднем 15% зарплаты [7].

Придомовые территории, как и большинство мест общего пользования в Ижевске, не отличались чистотой и порядком. Недостаток специальных фургончиков и контейнеров способствовал скоплению твердых отходов и мусора и загрязнению пространства. Многие горожане помой, отходы и хлам сливали и сваливали прямо на землю. Отсутствие канализации приводило к ухудшению санитарного состояния улиц. Большинство домовладений не имело надлежащим образом устроенных уборных. Их хозяева вместо очистки ограничивались засыпкой ям землей и переносом в другое место.

Особенно остро стояла проблема обеспечения населения города водой. Построенная на территории Ижзаводов водонапорная башня обеспечивала неочищенной водой из пруда не только оружейное производство, но и близлежащие улицы. Однако большая часть жителей продолжала пить ключевую и колодезную воду. Между тем качество питьевой воды различных источников, куда попадали загрязнения из почвы и органические остат-

ки, не соответствовало санитарно-гигиеническим нормам и создавало эпидемиологическую угрозу. Вода имела не только желтоватый цвет и мутный осадок, но и неприятный запах. В течение ряда лет в городе фиксировался неуклонный рост числа заболеваний пищеварительной системы: с 16 на 1000 обращений в медицинские учреждения в 1927 г. до 63 в 1929 г. Смертность от различных, в том числе и желудочно-кишечных, инфекций в 1928 г. достигла 2,5% от общего числа населения и свыше 9% среди детей в возрасте до пяти лет [31, л. 261].

Повышенной заболеваемости способствовал также характер питания большинства городских жителей, которое оставалось относительно скудным и достаточно однообразным. На первом месте по потреблению стояли ржаной хлеб, молоко, овощи — картофель, капуста, свекла, морковь, репа, брюква, привозимые из деревни или выращиваемые на собственных участках (огородах). В 1924 г. на одного едока в Вотской области приходилось лишь 139,2 кг овощей при норме 368, необходимых для правильного и полноценного питания [31, л. 74]. Большинству населения заготовленных овощей хватало только на первую половину зимы. Мяса, рыбы, растительных и животных жиров потреблялось мало. В октябре 1926 г. среднелюдиное потребление рыбы в год в городах области составляло всего 3,84 кг, на селе — 1,76 кг [24, л. 2 об.]. Многие виды продуктов для основной части горожан были в дефиците. Только в 1923 г. в их рационе начали появляться крупы (пшено, гречка, манка...), которые продавались преимущественно в частных торговых заведениях, постоянно повышавших цены. Например, в июне 1924 г. килограмм пшена-дранца в Ижевске стоил 8 коп., в июне 1925 г. — 16, в июне 1926 г. — уже 24 коп., гречки соответственно — 10, 17 и 25 коп. [20, с. 338—339, 372—373]. Появившиеся в коммерческих магазинах мясные и рыбные деликатесы, изобилие разнообразных кондитерских изделий и фруктов, сыры, кофе, какао, шоколад были недоступны рядовому обывателю. Услугами частных ресторанов, кафе, трактиров, чайных, закусочных, предлагавших своим посетителям разнообразные и вкусные блюда, пользовались только некоторые, наиболее состоятельные горожане.

Городская семья тратила на питание основную долю своего дохода. После проведенной в 1924 г. денежной реформы стоимость бюджетного набора в Ижевске в августе 1926 г. составляла 18 руб. 14 коп., а средняя заработная плата промышленных рабочих (включая высококвалифицированных специалистов Ижзаводов) тогда же — 25—30 руб., служащих госучреждений — 30—35 руб., учреждений образования и здравоохранения — 18 руб., в целом по городу — 27 руб. [29, л. 45; 30, л. 182; 20, с. 102—105, 407]. Пенсия по утрате трудоспособности и студенческая стипендия равнялись в среднем 10 руб., пособие по безработице — 6 руб. [22, л. 131 об.; 23, л. 275].

Определенную часть средств городские жители расходовали на одежду. Желаящие привлекательно выглядеть мужчины и женщины в годы нэпа получили возможность приобретать в частных торговых заведениях дорогие и модные наряды, обувь и головные уборы, заказывали их из других городов, а также пользовались услугами мастеров-портных и модельеров, выполнявших популярные фасоны верхней одежды, костюмов и платьев, осуществляя их машинную гофрировку и украшая различного рода художественной вышивкой, изготовлявших новейшие модели фетровых шляпок, шапок, кепи и картузов и имевших своих постоянных клиентов. Стильный образ дополнялся современными прическами и стрижками, завивками и париками, выполняемыми в частных парикмахерских. Значительным подспорьем тем, кто стремился самостоятельно освоить искусство кройки и шитья, являлись специально организованные курсы, а также получаемые по подписке иллюстрированные и пользовавшиеся определенным спросом издания «Домашняя портниха», «Женский журнал», «Последние моды». Между тем преобладающее большинство

населения продолжало носить одежду из недорогих холщовых тканей, донашивало старые вещи, конструировало их из предметов домашнего обихода: штор, скатертей, одеял. Немаловажную роль в этом играло несвоевременное и несообразное потребностям поступление товаров в районные кооперативные объединения и государственные торговые организации. Многие завозимые товары не отличались высоким качеством и не соответствовали заявленному ассортименту.

На уровень жизни ижевцев отрицательное влияние оказывало состояние транспортной инфраструктуры. Полуразрушенные мосты, грязные улицы, ухабы, промоины, канавы и ямы, зимой — огромные сугробы снега и гигантские ледяные глыбы — типичная картина для Ижевска, в сезон дождей превращавшегося, по меткому заключению современников, «в буквально непроезжее болото». Осушение постоянно затопляемых переулков заречной и южной части города не производилось. Деревянное покрытие тротуаров в его центре было временным и часто выходило из строя. В 1925 г. город имел всего 3 км замощенных улиц (отрезок подъездного пути от вокзала и часть центральной улицы — Коммунальной), что составляло 3% их общей протяженности, к концу 1930 г. — 18,2 км (8,3%). По этой причине главным средством передвижения долгое время оставались гужевые повозки, что создавало дополнительные трудности и ограничивало мобильность горожан [1, с. 77]. В зимний и осенне-весенний период как частные извозчики, так и члены транспортных артелей значительно поднимали цены на свои услуги, игнорируя установленную таксу — 15—20 коп. с километра пути.

Остро стояла также проблема хаотичного движения транспорта по улицам Ижевска. Первая попытка навести в этом вопросе порядок была предпринята в апреле 1924 г., когда вышло специальное обязательное постановление Вотского облисполкома, согласно которому требовалась непременно регистрация всех транспортных средств, вводились номерные знаки, коневладельцам и владельцам автомобилей, мотоциклетов и велосипедов вменялось в обязанность «...а) при встречах держаться правой стороны, б) при поворотах делать принудительные сигналы, замедлять ход экипажей и машин, в) велосипедистам и мотоциклетистам не ездить по тротуарам, аллеям и дорожкам общественных садов, г) через мосты ездить на лошадях шагом, д) замедлять передвижение в местах скопления народа, е) очищать дорогу при переездах пожарных команд» [27, л. 35].

Низкое качество дорог и транспортных средств негативно отражалось и на обеспечении населения продуктами питания, товарами первой необходимости. В период весеннего половодья и осенью из-за отсутствия дорог крестьяне не могли попасть в город на рынок. Это приводило к сезонным колебаниям и росту цен на молочные продукты, яйца, овощи. Так, в июле 1927 г. базарная стоимость литра молока в Ижевске составляла 8,9 коп., в марте — 16,7 коп., яиц соответственно 31 коп. и 49 коп. за десяток, масла коровьего — 19 руб. 75 коп. и 20 руб. 47 коп. за килограмм [19, с. 188].

Техническое состояние существующих путей сообщения затрудняло доставку товаров в Ижевск и из-за пределов области и ограничивало их потребление населением. Другим обстоятельством в числе прочих объяснялся формировавшийся дисбаланс спроса и предложения на продукцию легкой промышленности, галантерею, бакалею, рыбу, а также строительные материалы, металлические изделия и др. Ощущался острый недостаток пшеничной муки, сахара, хлопчатобумажной мануфактуры, суконно-шерстяных и камвольных тканей, керосина, махорки, сельскохозяйственного инвентаря и машин, кровельного, сортового и оцинкованного железа, гвоздей. В магазинах стали появляться очереди.

Немногим в повседневном быту было доступно электричество. В 1923 г. почти две трети населения Ижевска вынуждено было довольствоваться керосиновым освещением

[31, л. 260]. Подобные проблемы имелись и с освещением внутригородской территории, прилегающей к жилым зданиям, общественным сооружениям и промышленным объектам. До 1928 г. были освещены лишь отдельные участки определенных улиц города, поскольку техническое распределение электроэнергии находилось в ведении промышленных предприятий: Ижевских заводов и 1-й госфабрики охотничьих ружей, которые действовали по принципу необходимости и целесообразности. Тогда же по инициативе жителей и за их счет освещение появилось в некоторых кварталах центральных улиц — Коммунальной и Береговой. Однако большая часть города продолжала пребывать в потемках, что в условиях роста правонарушений, в особенности хулиганства, создавало угрозу безопасности населения. В темное время суток преступники действовали более развязно и бесцеремонно. Вполне обыденными явлениями ночной жизни Ижевска были ссоры и драки, поножовщина, стрельба из огнестрельного оружия, нападение на прохожих, натравливание собак и прочее. Практически ежедневно в постоянных рубриках «Что случилось» и «Советский суд» газеты «Ижевская правда» публиковались заметки о побоищах, дебошах, изнасилованиях... Так, 6 мая 1927 г. повествовалось о том, как в ночь со 2 на 3 мая напротив дома № 7 по ул. Красной двое пьяных жителей города затеяли потасовку, перебудив обитателей всех близлежащих домов отборным матом и стуком в ворота. Разборка, сопровождавшаяся револьверными выстрелами, продолжалась более двух часов. Люди сидели в своих домах и квартирах, боясь выглянуть на улицу [5]. В 1925 г. «за нарушение публичной благопристойности, тишины и порядка» были привлечены к ответственности 1097 человек [26, л. 64].

Только незначительная часть ижевцев пользовалась услугами телефонной связи. В 1921 г., например, абонентами городских сетей являлись всего 90 человек, в 1927 г. — 188, в 1929 г. — 236. Радиофикация в городе стала развиваться лишь с 1925 г., когда при клубе металлистов был организован радиоузел [3, с. 152]. В начале 1929 г. в почти 90-тысячном Ижевске числилось только 179 радиоустановок [6]. Радио как важнейший канал информации оставалось малодоступным для провинциального горожанина.

Таким образом, социальная среда такого типичного для Урала заводского поселения, как Ижевск, долгое время сохранявшего черты пограничной между городом и деревней цивилизации, в 1920-е гг. отставала от темпов роста населения и не соответствовала его потребностям. Состояние городских социальных объектов, транспортных коммуникаций, жилищно-коммунальной сферы и качество медицинского обслуживания не удовлетворяли требованиям жителей. Между тем увеличение темпов индустриализации и промышленного строительства заставляло власти принимать определенные меры к преодолению жилищного кризиса, модернизации социальной, транспортной и информационной инфраструктуры и благоустройству городского пространства, которые дали ощутимые результаты только в последующий период. В 1932 г. были сданы в эксплуатацию первые очереди ижевского водопровода и канализации, в 1934 г. — новая двухэтажная баня. В 1932 г. на улицах города появились первые автобусы, в 1935 г. — трамвай. С 1934 г., после введения в строй более мощной электростанции, была переоборудована городская сеть и в городе улучшилось энергоснабжение. Построенные вновь крупные жилые и общественные здания в центре города и на его окраинах начали изменять социальный и культурный ландшафт и облик Ижевска.

Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН и УрО РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Модернизационные стратегии социальных трансформаций российской периферии (XVIII — начало XXI в.)» № 15-13-6-6.

Список использованных источников и литературы

1. Бехтерева Л. Н. Жилищно-бытовое пространство провинциального города в период нэпа (на материалах Ижевска) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2014. № 4 (20). С. 74—78.
2. Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы (XIX—XX века). Казань, 2008. 451 с.
3. 10 лет Удмуртской автономной области. Хозяйственное и культурно-социальное строительство. 1921—1931. Ижевск, 1931. 191 с.
4. Ижевская правда. 1924. 27 июня.
5. Ижевская правда. 1927. 6 мая.
6. Ижевская правда. 1929. 15 февр.
7. Кабо Е. О. Очерки рабочего быта: Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. Т. 1. М.: Книгоиздательство ВЦСПС, 1928. 290 с.
8. Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003. 340 с.
9. Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917—1937 годы). М., 2008. 303 с.
10. Обзор деятельности областного исполнительного комитета Вотской автономной области. Ижевск, 1925. 480 с.
11. Областное экономическое совещание Вотской автономной области. Отчет Совету труда и обороны. Ижевск, 1922. 186 с.
12. Орлов И. Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917—1941). М., 2015. 344 с.
13. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. 288 с.
14. Отчет о работе Ижевского городского совета рабочих и красноармейских депутатов с 1 марта 1927 г. по 1 октября 1928 г. Ижевск, 1929. 64 с.
15. Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900—1941 гг. М., 2009. 367 с.
16. Севрюков О. В. Ижевск. Краеведческий очерк. Ижевск, 1972. 271 с.
17. Становление и развитие здравоохранения Удмуртской Республики. Ижевск, 1996. 335 с.
18. Статистический ежегодник за 1928 г. Ижевск, 1929. 214 с.
19. Статистический ежегодник за 1927 г. Ижевск, 1928. 228 с.
20. Статистический сборник за 1924—1926 гг. Ижевск, 1927. 521 с.
21. Стрельцов Ф. В. Ижевск и его промышленность за 170 лет // Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (НОА УИИЯЛ УрО РАН). Рукописный фонд (РФ). Оп. 2Н. Д. 21.
22. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 146.
23. ЦГА УР. Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 268.
24. ЦГА УР. Ф. Р-121. Оп. 1. Д. 138.
25. ЦГА УР. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 997.
26. ЦГА УР. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 186.
27. ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 175.
28. ЦГА УР. Ф. Р-357. Оп. 1. Д. 95.
29. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР). Ф. 16. Оп. 9. Д. 459.
30. ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 9. Д. 479.
31. Экономическое развитие Вотской автономной области за 1916—1928 гг. // НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2Н. Д. 99.

Поступила в редакцию 05.04.2017

Бехтерева Людмила Николаевна, доктор исторических наук
Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 426004. г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: behterevaLN@yandex.ru

UDK 94 (470.51-25)“1920”

L. N. Bekhtereva

Problems of urban environment formation and the quality of life of the population in the 1920s (by the example of Izhevsk)

Based on the archival documents (clerical, reference statistical materials), published sources and periodical press the author considers the social infrastructure, which determined the level and life quality of population of Izhevsk, one of the typical Ural cities, formed near the factories in the 1920s. The article presents the characteristics of its housing and communal services, transport communications, provision of urban amenities, gives the assessment of food and medical service of citizens. It concludes that the social environment of Izhevsk, that has long retained the features of the borderline one between urban and rural civilizations, lagged behind the population growth rates and did not meet its needs. The measures taken to overcome the housing crisis and to modernize the socio-cultural environment gave tangible results only in the subsequent period.

Key words: Izhevsk, NEP, urban infrastructure, housing conditions, provision of urban amenities, electrification, transport communications, food, medical service.

Bekhtereva Lyudmila Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences

Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural branch of Russian Academy of Sciences

Russian Federation, 426004, Izhevsk, ul. Lomonosova, 4

E-mail: behterevaLN@yandex.ru

References

1. Bekhtereva L. N. Zhilishchno-bytovoe prostranstvo provintsial'nogo goroda v period nepa (na materialakh Izhevsk) [Housing and communal space of a provincial city in the period of NEP (on the materials of Izhevsk)]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*, 2014, no. 4 (20), pp. 74—78. (In Russian)
2. Vishlenkova E. A., Malysheva S. Yu., Sal'nikova A. A. *Kul'tura povsednevnosti provintsial'nogo goroda: Kazan' i kazantsy (XIX—XX veka)* [Culture of the daily life of the provincial city: Kazan and its natives (XIX—XX century)]. Kazan', 2008. 451 p. (In Russian)
3. *10 let Udmurtskoi avtonomnoi oblasti. Khozyaistvennoe i kul'urno-sotsial'noe stroitel'stvo. 1921—1931* [10 years of the Udmurt Autonomous Region. Economic and cultural-social construction. 1921—1931]. Izhevsk, 1931. 191 p. (In Russian)
4. *Izhevskaya pravda*. 1924. 27 iyunya.
5. *Izhevskaya pravda*. 1927. 6 maya.
6. *Izhevskaya pravda*. 1929. 15 fevr.
7. Kabo E. O. *Ocherki rabochego byta: Opyt monograficheskogo issledovaniya domashnego rabochego byta* [Essays on Working Life: Experience in the Monographic Study of Household Workers]. Vol. 1. Moscow, VTsSPS Publ., 1928. 290 p. (In Russian)
8. Lebina N. B., Chistikov A. N. *Obyvatel' i reformy: kartiny povsednevnoi zhizni gorozhan v gody nepa i khrushchevskogo desyatiletiya* [The philistine and reforms: pictures of everyday life of the townspeople in the years of NEP and Khrushchev's decade]. St. Petersburg, 2003. 340 p. (In Russian)
9. Meerovich M. G. *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917—1937 gody)* [Housing as punishment: housing policy in the USSR as a means of managing people (1917—1937)]. Moscow, 2008. 303 p. (In Russian)
10. *Obzor deyatel'nosti oblastnogo ispolnitel'nogo komiteta Votskoi avtonomnoi oblasti* [Review of the activities of the Regional Executive Committee of the Votsk Autonomous Region]. Izhevsk, 1925. 480 p. (In Russian)
11. *Oblastnoe ekonomicheskoe soveshchanie Votskoi avtonomnoi oblasti. Otchet Sovetu truda i oborony* [Regional economic meeting of the Autonomous Region of the Autonomous Region. Report to the Council of Labor and Defense]. Izhevsk, 1922. 186 p. (In Russian)
12. Orlov I. B. *Kommunal'naya strana: stanovlenie sovetskogo zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva (1917—1941)* [The communal country: the formation of the Soviet housing and communal services (1917—1941)]. Moscow, 2015. 344 p. (In Russian)

13. Orlov I. B. *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniya* [Soviet everyday life: the historical and sociological aspects]. Moscow, 2010. 288 p. (In Russian)
14. *Otchet o rabote Izhevskogo gorodskogo soveta rabochikh i krasnoarmeiskikh deputatov s 1 marta 1927 g. po 1 oktyabrya 1928 g.* [Report on the work of the Izhevsk City Soviet of Workers' and Red Army Deputies from March 1, 1927 to October 1, 1928]. Izhevsk, 1929. 64 p. (In Russian)
15. Postnikov S. P., Fel'dman M. A. *Sotsiokul'turnyi oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1900—1941 gg.* [Sociocultural appearance of industrial workers in Russia in 1900—1941]. Moscow, 2009. 367 p. (In Russian)
16. Sevryukov O. V. *Izhevsk. Kraevedcheskii ocherk* [Izhevsk. Local history essay]. Izhevsk, 1972. 271 p. (In Russian)
17. *Stanovlenie i razvitie zdavoookhraneniya Udmurtskoi Respubliki* [Formation and development of health of the Udmurt Republic]. Izhevsk, 1996. 335 p. (In Russian)
18. *Statisticheskii ezhegodnik za 1928 g.* [Statistical yearbook for 1928]. Izhevsk, 1929. 214 p.
19. *Statisticheskii ezhegodnik za 1927 g.* [Statistical yearbook for 1927]. Izhevsk, 1928. 228 p.
20. *Statisticheskii ezhegodnik za 1924—1926 gg.* [Statistical yearbook for 1924—1926]. Izhevsk, 1927. 521 p.
21. Strel'tsov F. V. *Izhevsk i ego promyshlennost' za 170 let* [Izhevsk and its industry over 170 years]. *Nauchno-otraslevoi arkhiv Udmurtskogo instituta istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Scientific and industrial archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences] (NOA UIIYaL UrO RAN). Rukopisnyi fond (RF). Op. 2N. D. 21. (In Russian)
22. *Tsentr'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki* [Central State Archives of the Udmurt Republic] (TsGA UR). F. R-89. Op. 1. D. 146.
23. TsGA UR. F. R-89. Op. 1. D. 268.
24. TsGA UR. F. R-121. Op. 1. D. 138.
25. TsGA UR. F. R-131. Op. 1. D. 997.
26. TsGA UR. F. R-177. Op. 1. D. 186.
27. TsGA UR. F. R-195. Op. 1. D. 175.
28. TsGA UR. F. R-357. Op. 1. D. 95.
29. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Udmurtskoi Respubliki* [Center of Documentation of the Modern History of the Udmurt Republic] (TsDNIUR). F. 16. Op. 9. D. 459.
30. TsDNIUR. F. 16. Op. 9. D. 479.
31. *Ekonomicheskoe razvitie Votskoi avtonomnoi oblasti za 1916—1928 gg.* [Economic Development of the Votsk Autonomous Region over 1916—1928]. *NOA UIIYaL UrO RAN. RF*. Op. 2N. D. 99. (In Russian)